

Пань Тань улыбнулся Пятому принцу.

— Не суть. Ваше Высочество так старался увести нас от паланкина: этот генерал восхищен вашим упорством.

— Генерал, — нахмурился Фу Ичжэнь с выражением непонимания: пусть еще мгновение назад, после слов господина Ли, грязно выругался про себя. — Что это значит?

— Вашему Высочеству не стоит задумываться над этим, — улыбнулся Пань Тань, говоря ласково, словно с ребенком. — Возвращайтесь к Императору и сообщите ему печальную новость. Сейчас это — самое главное.

— Думаешь, преследование членов императорской семьи сойдет тебе с рук? — возмутился Пятый принц высокомерным голосом. Он всегда говорил так при чужих людях: делая голос чуть выше обычного, в свои игривые нотки добавляя капризности, словно в самом деле был лишь праздным бездельником, не знающим высоты неба и толщины земли. Говорили, что рука не подымется ударить улыбающееся лицо: а что, если лицо это будет наивно до глупости? Фу Ичжэнь всю свою жизнь притворялся именно таким человеком, чтобы не привлечь к себе лишнего внимания.

Но притворство его, кажется, больше не могло смутить хоу. Он заливисто рассмеялся. Смех этот на маленькой площади, что словно колодец была окружена темными силуэтами домов, казался особенно зловещим.

— Ваше Высочество, — с улыбкой сказал он. — Не думайте, что этот генерал поверит, словно человек за вашей спиной следует за глупцом.

Господин Ли почувствовал, как холодный пот струится по спине под теплыми одеждами. В один миг и руки, и лицо его будто заledenели. Казалось, черные глаза хоу через головы гвардейцев глядят точно на Ли Инчуня.

Пятый принц чуть увел своего коня в сторону, загораживая господина Ли от чужих взглядов. Лицо его лишилось наивности, но осталось серьезно. Он сказал:

— Проваливайте.

Пань Тань рассмеялся снова:

— Ваше Высочество так груб. При дворе вы никогда прежде не позволяли себе подобного. Неужели на вашем характере сказываются дурные знакомства?

В этот момент Ли Инчунь тоже чуть дернул поводья и оказался ближе к принцу, принявшись шептать ему: негромко, но в напряженной тишине площади вполне отчетливо:

— Ваше Высочество, нам надо поспешить...

— Избавиться от тебя сегодня было бы слишком подозрительно, — вновь раздался голос Пань Таня: из прежней беззаботности в нем стали слышаться раздраженные нотки. — Но лучше бы тебе молчать, чтобы я не передумал.

Поняв, что их переговоры были замечены, господин Ли выпрямился в седле и прямо взглянул на хоу. Выражение его глаз трудно было понять, но выглядел юноша, тонкий и бледный, напоминающий куда более не ученого, а прекрасную императорскую наложницу,

величественно.

— Генерал, это слуга не знает, чем обидел вас, но у меня нет с вами вражды, — твердо сказал Ли Инчунь.

Пань Тань раздраженно, со злой улыбкой хмыкнул. Удивительно, но от одного взгляда на господина Ли вся его напускная ленивость и благодушие стекали с фигуры мужчины, как стекает с крыши вода: грязная и пахнущая невероятно дурно. Генерал, словно стараясь сдержаться, отводил от Ли Инчуня взгляд, но неизменно возвращался к нему — будто не мог смотреть на юношу в той же мере, что и не видеть его. Через долгое мгновение, в течение которого господин Ли изо всех сил старался не отводит взгляда, Пань Тань коротко приказал своим войнам:

— Люди императора не должны выжить, остальных можете оставить.

От этих слов, сказанных холодным, безразличным тоном гвардейцы принца невольно отступили. Были среди них как люди из поместья Фу Ичжэня, верные только ему, так и служащие императорской гвардии, которых отправили сюда сопровождать Первую принцессу. Услышав слова хоу, они в первый миг растерялись, а после нахмурились, полные решимости защитить себя. Воины, что долгие года служили Императору и были лично признаны им, не могли вытерпеть к себе подобного высокомерного отношения — но шанса возмутиться у них не было. Люди хоу тихо и яростно бросились в бой.

Площадь была слишком мала, чтобы тут развернулось настоящее сражение, но людям во все времена достаточно было и малого клочка земли, чтобы пролить кровь. Зазвенели клинки, лошади, встревоженные яростью свои наездников, заржали, крики чередовались с полными боли выдохами сквозь сжатые зубы. Несколько воинов хоу выступили первыми, на ходу доставая короткие клинки. Движения их были быстрыми и казались небрежными, но за каждым взмахом сияющего лезвия в прозрачный воздух, медленно холодея, взмывали капли крови.

Гвардейцы Пятого принца приняли бой. Они не ожидали, что на них будут нападать по принципу принадлежности к ставке принца или двору императора, потому стояли мужчины вразнобой: друг от друга их отличали только некоторые элементы брони. Но эти маленькие различия, как ястреб с высоты прозрачного неба видит свою добычу, видели воины хоу, и нападали на людей с особенной яростью. Подчиненных принца они тоже не жалели, но в сражении с ними не чувствовалось того же непримиримого желания отобрать чужую жизнь.

— Если людей императора не останется, это будет поводом подозревать тебя, — говорил господин Ли. Они с Пятым принцем отошли на несколько шагов, как позволяло узкое пространство, от сражения: специально на Его Высочество никто не нападал, но несколько раз ему все же пришлось отбить от себя и Ли Инчуня случайно направленные в их сторону клинки и длинные алебарды. — Разве это не странно, что нападавшие пощадили только твоих людей? Что бы ты и они не сказали позже — едва ли Император поверит.

— Понимаю, — напряженно отозвался Фу Ичжэнь, что старался следить одновременно за всем полем боя и никчемным ученым, что едва мог держаться в седле, за своей спиной. Меньше всего Пятому принцу хотелось, чтобы в этой потасовке Ли Инчунь снова пострадал.

Ряды быстро смешались: воины не решались спешиваться, боясь быть затоптанными разгоряченными лодашми, но и сражаться на них было трудно. Со всех сторон теперь поджидала опасность, снег, казалось, стал сильнее и скрывал теперь не только крыши домов и

безразличное небо, но и ближайших товарищей. Гвардейцы принца были вооружены алебардами с алыми рукоядками и кисточками у самого лезвия: это оружие было красивым, но неудобным в нынешней ситуации. Люди мешали друг другу и отбивались с трудом: Фу Ичжэнь с тревогой наблюдал, как его подданных становится все меньше и меньше. Конечно, оставшиеся у паланкина слуги должны были послать кого-то, чтобы сообщить о случившемся, да и едва ли в столице можно было долго творить разбой без вмешательства городской стражи... Но скоро ли эта стража за взрывами фейерверков и радостным гомоном праздничной толпы услышит звон клинков?

Возможно, Пятый принц задумался об этом слишком глубоко, а может мельтешение всадников и стали перед его глазами притупило взгляд — но когда в один миг словно из-под земли перед Фу Ичжэнем появился воин в темных одеждах, он невольно вздрогнул. Темные глаза хоу, мрачные, словно глубины замерзшей реки, не выражали ни радости, ни гнева, но рука его, направившая в шею лошади принца короткий клинок, была неумолима.

Пятый принц в последний момент успел парировать удар, вложив в клинок духовную силу. Он не был воином подобным хоу и сражался чаще всего с заклинателями: грубая сила была столь же нова Фу Ичжэню, сколь раздражающая. В узком пространстве разве заклинания спасут от заточенной стали, рассекающей кожу? Пань Тань легко отпустил сменивший траекторию клинок, но тут же подхватил его снова. Усилием, которого принц не мог представить, лизвие молниеносно сменило направление. Генерал в самом деле был умелым воином, прошедшим сотню битв. Фу Ичжэнь едва успел вновь выставить вперед свой инкрустированный костью и нефритом императорский клинок, когда меч хоу просвистел совсем рядом с его лицом, оставив на щеке холодный след.

Пятый принц хотел громко возмутиться — едва ли кто-то смел касаться его царственного лица! — но вдруг его лошадь взвилась и рванула вперед. Фу Ичжэнь не сразу заметил, что своим выпадом Пань Тань не столько старался навредить ему, сколько целился в коня. Ухо животного отказалось отсечено верным движением, и лошадь, взбудораженная пронзительной болью и запахами крови, бросилась вперед, не обращая внимания на тщетные попытки Пятого принца остановить ее. Поджав губы, он обернулся в седле, заметив в последний миг, прежде, чем внушительную фигуру хоу скрыли от него иные воины, как тот приближается к господину Ли.

Размахнувшись, Пань Тань резко бросил свой меч вперед: тот воткнулся в каменную стену в цуне от лица Ли Инчуня. Тот слышал, как тонко звенит, теряя усилие, клинок. Лицо молодого человека в то же время было лишено всякого выражения, а сам он не двигался — лишь тонкие пальцы до болезненной белизны сжимали поводья. Конь господина Ли вертел головой, недовольно ворчал, и сейчас он был единственным, что стояло между юношей и Пань Танем. Ли Инчуню даже казалось из-за этой пугающей близости, что он может слышать запах тела хоу.

— Лучше бы тебе не испытывать мое терпение, — сказал генерал спокойным голосом: спокойным до той степени, что становилось жутко. Казалось, с господином Ли говорит не живой человек, а снедаемый изнутри ненавистью ко всему сущему голодный дух. Алые фонари бросали на лицо Пань Таня четкие тени, и оттого он становилось еще более жутким.

— Генерал, вы... — начал было Ли Инчунь, но хоу раздраженно прервал его, сплюнув на землю.

— Молчи. Ни единого слова — и проживешь дольше.

— Я...

— Тебе приказано заткнуться, — процедил хоу. — Или мне все же следовало вырезать тебе язык, чтобы никого больше не прельстили эти лживые речи?

Господин Ли невольно поджал губы: пусть ситуация, в которой он оказался, была, прямо скажем, отчаянной, от слов генерала Ли Инчунь на миг почувствовал колющее раздражение. Да, он не всегда говорил правду — и перевирал ее на самом деле куда чаще, чем говорил искренне, — он мог бы лицемерным, предвзятым, жестоким... Но было нечто в словах хоу, что заставляло господина Ли думать о себе как о человеке дрянном по своей сути. Разве он был таков? Не лучший из людей на земле, но точно уж и не тот, кто не имеет права сказать и пары слов...

Ли Инчунь в самом деле молчал: он больше не старался оправдаться или как-то переубедить Пань Таня — но генерал не испытал облегчения. Он глядел на лицо перед собой, находящее так близко, что, казалось, можно было увидеть узор осевших на черные ресницы снежинок, если податься чуть ближе. В чертах господина Ли больше не было растерянности, а оттого он напоминал сейчас себя из другой жизни куда более, чем за все время, проведенное в павильоне Цветения. Это его непримиримое выражение, черты его лица, его взгляд, даже способ, каким Ли Инчунь держал поводья — все это было Пань Таню прекрасно знакомо. Господин Ли молчал: но отчего же генерал все еще ощущал зуд в своем сердце? Исчез бы он, если бы не осталось на свете больше насмешливого изгиба этих глаз и мягкости губ? Или это Пань Таню, чтобы наконец избавиться от болезненного наваждения, следовало бы навек уснуть?

Не зная, что он хочет сделать, движимый больше яростным в той же мере, что и страстным жаром в груди, чем разумными мыслями, хоу потянулся к кинжалу, что был приторочен к его седлу, и двинулся было вперед — но вдруг его лошадь что-то грубо пихнуло в сторону. Животное заржало и отошло на несколько шагов, а между генералом и господином Ли вновь оказался Пятый принц. Это он, вернувшись, грубо пнул круп коня генерала. Фу Ичжэнь загородил собою облегченно выдохнувшего Ли Инчуня и посмотрел на хоу с пренебрежением.

Надо сказать, взгляд его такой теперь едва ли бы разумен. Большая часть воинов принца пала, рядом с генералом замерло несколько его воинов, готовых вновь вступить в битву, и в целом на стороне Фу Ичжэня преимущества не было. Однако гордости и высокомерия его взгляда, свойственного, должно быть, лишь царственным особам, это не умаляло.

От пинка словно очнувшись, Пань Тань выпрямился и на лице его показалась расслабленная улыбка. Он огляделся.

— Что ж, здесь, кажется, покончено, — легко заметил хоу. Воины принца тоже прекратили сражение и сгрудились вокруг него, глядя на противников ненавидящими взглядами. Как и планировал Пань Тань, никого из гвардии Императора не осталось в живых. Он ухмыльнулся этому и приказал: — Уходим.

В последний раз черные глаза хоу скользнули насмешливо по фигуре принца и потемнели, стоило взгляду упасть на господина Ли. Воины Фу Ичжэня, по краткому сражению поняв, что не являются соперниками приближенным хоу, не пытались больше вступить в битву, и отряд генерала растворился в ночи так же быстро, как и появился ранее.

Рука Пятого принца была ранена. В пылу битвы кто-то задел ее острием оружия и сейчас от предплечья по пальцам Фу Ичжэня текла кровь, пачкая драгоценные одежды и расшитое узорами скалящихся драконов седло. Один из гвардейцев, заметив это, воскликнул:

— Ваше Высочество! Нужно срочно обработать рану!..

— Не нужно, — вдруг вступился господин Ли, подъезжая к принцу и глядя на его руку. Тут же он поднял на гвардейцев взгляд. — Проверьте, в самом ли деле все люди Императора мертвы. Доставьте их во дворец. Если есть мертвые из нападавших — их отвезите в первую очередь. Пусть кто-то один поедет первым, сообщит о нападении и свяжется с людьми из цензората и императорской гвардии.

Ли Инчунь не был господином для этих людей, да и знали они о нем лишь из слухов — но говорил молодой человек так уверенно, что воины не посмели ослушаться. Многие из них были ранены и истощены сражением, а родные прежде стены императорской столицы в их глазах таили теперь опасность, однако приказы господина Ли будто придали людям сил: всегда проще было выполнять сказанное, а не размышлять о причинах произошедшей внезапной и безжалостной стычки с хоу.

Ли Инчунь между тем взглянул на руку Пятого принца, а затем на него.

— Рана серьезная? Ваше Высочество сможет терпеть?

— Вполне, только вот остановить кровь...

— Не стоит, — тут же прервал господин Ли и остановил потянувшегося было к седельной сумке Фу Ичжэня. Тот поднял взгляд. — Постарайся потерпеть и позволить крови вытечь. Чем бледнее и несчастнее ты предстанешь перед Императором, тем вероятнее он тебе поверит. И пошевели рукой: пусть кровь зальет одежды.

Пятый принц сквозь раздражение от случившегося не смог сдержать улыбки:

— А не боишься, что я истеку кровью и умру?

— Вашему Высочеству не нужно пытаться казаться несчастнее, чем есть на самом деле, рана не так серьезна. Кроме того, вы же заклинатель. Этот слуга слышал, что и без крови вы можете жить три дня. Или способностей Вашего Высочества для того недостаточно?

— Ничьих способностей для такого не будет достаточно... — пробормотал Фу Ичжэнь: господин Ли его уже не слушал.

Взяв несколько воинов, он поспешил к паланкину. Найти его было не так трудно: еще издали стал слышен шум и плач. К моменту, как прибыли Пятый принц и господин Ли, экипаж уже окружили зеваки, а слуги и несколько стражников пытались сдержать порядок, выглядя весьма растерянными. При появлении принца лица их озарились — но тут же на них тяжелым грузом напознала вина, и все как один сопровождающие паланкина рухнули на землю в пояском поклоне. Простые люди поспешили повторить за ними, боясь небрежностью накликать на себя наказание. Богато украшенный паланкин тяжело осел наземь, легкие шелковые занавеси его от ветра трепетали, и было видно за их цветной дымкой внутри тяжело осевшую женскую фигуру, насквозь прошитую стрелой.

Маленький театр:

Пань Тань: Я осуществляю свои планы, плевать на Ли Инчуня.

Пань Тань: ...

Пань Тань: Нет, я сейчас, блять, подойду, и в лицо ему это скажу!..

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/17230/1743311>